

Розин В. М.

УПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМИ РЫНКАМИ И МИРОВЫМИ СОБЫТИЯМИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАДПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЭЛИТОЙ (КОНСПИРАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС; ПО КНИГЕ СЕРГЕЯ ГОРЯИНОВА «БИТВЫ АЛМАЗНЫХ БАРОНОВ»)

Аннотация. В статье анализируется книга Сергея Горяинова «Битвы алмазных баронов». Выделяются основные положения, на которые автор опирается: цена определяется не соотношением спроса и предложения, а сознательным управлением и регулированием; именно цена на сырье определяет основные экономические процессы и связанные с ними глобальные рынки, причем эта цена вполне проектируемый и формируемый ресурс; управляют ценой на сырье и глобальными рынками не правительства, а клубы и элиты, и не лоббы, а принадлежащие англосаксонской культуре и др. Рассматривается доказательная база концепции Горяинова и показывается, что интерпретации автора уязвимы, их можно истолковать как контрпримеры к его построениям. Чтобы выявить основания концепции Горяинова реконструируются его ценности и черты личности, которые сравниваются с мироощущением автора данной статьи и его учителя известного российского философа Г. П. Щедровицкого. При этом была реализована следующая методология: сравнительный анализ, методологическая проблематизация, ситуационный анализ, реконструкция и интерпретация заявленных Горяиновым положений. Что позволило подвергнуть критике конспирологическую теорию Горяинова и выделить причины неудовлетворительности подобных концепций. Как правило, их авторы истолковывают факты в духе своей концепции, не учитывают критику и другие исследования, не выполняют основные требования научного обоснования. Правда, их концепции рассчитаны на свою аудиторию.

Ключевые слова: интерпретация, теория, концепция, конспиралогия, личность, ценности, критика, элита, социальность, факты.

Review. The article analyses the book «Battles of the Diamond Barons» by Sergei Goryainov. The main provisions on which the author founds are highlighted: the price is determined not by the correlation of supply and demand, but the conscious control and regulation; it is the price of the raw materials that determines the basic economic processes and related

global markets, and this price is a formed and projected resource; commodity price and global markets are managed not by the governments, but by clubs and elites, and not all of them, but only those owned by the Anglo-Saxon culture, etc. We consider the evidence basis of Goryainov's concept and demonstrate that the author's interpretations are vulnerable and can be interpreted as counterexamples to his constructions. To reveal the basis of the of Goryainov's concept, the author reconstructs his values and personality traits, which are then compared to the outlook of the author, as well as his teacher - the famous Russian philosopher G. Shchedrovitsky. At that, the following methodology was implemented: comparative analysis, methodological problematisation, situational analysis, reconstruction and interpretation of the points stated by Goryainov, that allowed to criticise Goryainov's conspiracy theory and highlight the reasons for the inadequacy of such concepts. As a rule, the authors interpret the facts in the spirit of their own concepts, they ignore criticism and other studies, they do not fulfil the basic requirements of scientific justification. However, their concepts are designed for their own specific audience.

Keywords: criticism, values, personality, conspiracy, concept, theory, interpretation, elite, sociality, facts.

Если у Горяинова и есть конспиралогия, то она проявляется в двух моментах. Во-первых, он как бы присоединяется к целям и миссии надправительственных элит (во всяком случае, не возражает против них), а именно установить господство над миром, во-вторых, раскрывает истинный механизм и ход современности, которые по понятным причинам, считает Горяинов, надправительственной элитой скрываются от непосвященных и тех, кем она манипулирует. «Мы, - писал один из героев книги, создатель компании «Де Бирс» Сесил Джон Родс, - люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон. Иными словами, надо объединить весь мир под одним господством. Не удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы - британцы» [4, с.12].

Книгу Горяинова стоит проанализировать еще и потому, что ее автор разворачивает довольно убедительный дискурс, опираясь на большой фактологический материал, осуществляя критику традиционного экономического объяснения событий. С последнего я и начну. Традиционной экономической теории Горяинов противопоставляет ряд альтернативных экономических положений. Он убежден, что цена любого товара, определяется не соотношением предложения и спроса, которую устанавливает «невидимая рука рынка», соответственно развитие истории - не борьбой классов по Марксу, а сознательным управлением и регулированием, важное место в которых занимают внушение (реклама, пиар, информационное воздействие), и скрытая в силу незаконности, устанавливаемой государствами, политическая деятельность.

Например, когда цены на алмазы в мире стали быстро падать, Сесил Родс, создатель крупнейшей алмазной корпорации «Де Бирс», организовал, как бы мы сегодня сказали, информационную компанию, в которой, с одной стороны, дискредитировались опалы, до того времени главенствующие у по-

требителей драгоценностей, чтобы резко понизить на них спрос, а с другой - внушалась пользователям мысль, что без алмазов и бриллиантов им не прожить. «Грамотный маркетинг довершил блестящую операцию, и бриллиант прочно вошел в обиход европейской (самой значительной на тот момент времени) массовой ювелирной торговли <...> что не могло не привести к пониманию того, что тезис о цене как объективной реальности, заданной балансом спроса и предложения, далеко не универсален. Предложением на сырьевом рынке можно управлять, сосредоточив в одних руках значительную долю добычи. Спросом можно управлять, манипулируя информационной оболочкой товара, его образом, не только изменяя при этом объем традиционного рынка, но и создавая, по сути, новые рынки и уничтожая существующие <...> Кто же определяет, срывает банк? Любой грамотный трейдер скажет: «инсайдер». Тот, кто способен закачать в биржевую игру миллиарды и триллионы и при этом без риска, ибо такими деньгами не рискуют. А это может быть только тот, кто знает (а на самом деле - определяет), насколько увеличит добычу ОПЕК через месяц, когда в Ливии произойдет «цветная революция», когда племя айджо атакует нефтяные платформы в дельте Нигера и какое решение по учетной ставке примет ФРС в мае следующего года... Вот этот «спекулянт» и определяет ценовые тренды на мировых сырьевых рынках. Остальным рекомендуется изучать классические труды по экономике и верить в то, что «невидимая рука рынка» устанавливает справедливый баланс между спросом и предложением» [4, с.24–25, 280].

Второе положение экономической доктрины Горяинова состоит в том, что именно цена на сырье определяет основные экономические процессы и связанные с ними глобальные рынки, причем эта цена вполне проектируемый и формируемый ресурс. «Ценообразование на глобальных сырьевых рынках, - пишет автор, - это управляемый процесс с долгосрочным (30 и более лет) горизонтом плани-

рования, осуществляемый в недрах гибких неформальных структур, объединяющих представителей ведущих добывающих корпораций, финансовых институтов и политической элиты. А цена на сырьевой абсолютный инструмент влияния на все производственные рынки, вплоть до самого рафинированного хай-тека. Поэтому тот, кто контролирует глобальные сырьевые рынки, в конечном счете, контролирует всю экономику планеты» [4, с.277–278].

Третье положение я фактически уже указал: управляют ценой на сырье и глобальными рынками не правительства, а клубы и элиты, и не любые, а принадлежащие англосаксонской культуре. Играть эти элиты против всех стран мира и регионов. Горяинов довольно подробно рассматривает действия надправительственных элит в отношении СССР, Германии, ЮАР, Японии и Китая, показывая, что властные сообщества этих стран (тоже элиты, но национальные), не осознавая того, действовали по указке англичан и американцев.

Впрочем, в каждой управляемой стране были специалисты, отчасти, понимавшие, что происходит, но как умные и реалистичные люди они или поддерживали действия надправительственных элит (именно в пользу своей страны) или извлекали свой личный профит из сложившегося положения. Этим специалистам, своеобразным умным евреям при губернаторах, Горяинов очень сочувствует, по сути, считая их управляющей элитой второго эшелона. Возможно, и себя он причисляет к этому второму эшелону, ведь в течение ряда лет Горяинов входил в состав Совета по информационной политике компании АПРОСА («Алмазы России - Саха»); кроме того он владеет такой знаниями, которые свидетельствует о некоторой принадлежности к высшим кругам руководства этой компанией, обогнавшей в последние годы по добыче корпорацию «Де Бирс».

Можно усомниться, действительно, ли управляющая миром элита была надправительственной. Но Горяинов помимо соответствующей интерпретации событий, которую читатель может и не принять, приводит один интересный пример. «16 марта 1921 года был подписан первый в истории Советской России и Великобритании торговый договор... Англия брала на себя обязательство «не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами либо товарами, экспроприруемыми из России в случае, если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях». Фактически это ограничение делало невозможным вмешательство английского государства (не говоря уже о зарубежных государствах) в деловые операции, проходив-

шие под эгидой этого договора. А если учесть, что на момент заключения договора между Великобританией и Россией вообще не было дипломатических отношений, то следует признать, что данный договор являлся лишь формальным прикрытием сотрудничества большевиков с силой более влиятельной, чем английские государственные институты» [4, с.119].

Четвертое положение, точнее целая серия, касается социальной технологии, созданной надправительственными элитами для решения поставленных задач. Речь, конечно, идет о том, как ее видит Горяинов. Прежде всего, *необходима монополия на ресурсы и их ценообразование*. Отец «Де Бирс» начал именно с борьбы с Барни Барнато за монополию в алмазном бизнесе. «Родс был одним из немногих, кто понял, что алмазный рынок может успешно развиваться лишь в условиях предельной монополизации, которая способна обеспечить искусственный дефицит алмазного сырья, являющийся, в свою очередь, страховкой от неконтролируемого колебания цен» [4, с.18].

Затем, собственно *управление, важной составляющей которой выступают глобальные «проекты»*. Проекты необходимо спланировать, разработать, реализовать в жизнь, наконец, завершить. Горяинов последовательно рассматривает несколько таких проектов: проект СССР, призванный создать для Запада сырьевую базу алмазов, проект нацистской Германии, задачей которого было ослабление России и потребление производимых «Де Бирс» промышленных алмазов, проект ЮАР, на котором отработывалась стратегия глобального надправительственного управления, проекты Японии и Китая, предназначенные для покупки этими странами колоссального американского государственного долга. Вот всего два примера - англо-бурская война и экономическое чудо Японии и Китая.

«Весьма распространено мнение, - пишет Горяинов, - что если бы у Крюгера была еще пара генералов, подобных Смэтсу, то англо-бурская война закончилась (разумеется в пользу англичан), толком не начавшись. Но гипотеза в том, что проекты С. Родса послужили моделями, на которых отработывались перспективные механизмы глобального управления... Действительно, англо-бурская война стала полигоном, на котором отработывались новые тактические схемы ведения боевых действий, новые виды вооружений, новые принципы тотального подавления сопротивления гражданского населения... Заказчиком и идеологом войны впервые выступили надгосударственные структуры, ход, а главное - продолжительность боевых действий определялись не военной целесообразностью, а программой долгосрочного планирования, в которой собственно

война составляла первый и самый незначительный этап» [4, с.187–188].

Исходя из предположения, «что китайское экономическое «чудо» - суть не продукт объективного развития, но элитарный проект», Горяинов пишет следующее. «Разумеется, «китайское экономическое чудо», став очередной мировой «экономикой N 2», заняло почетную первую позицию в списке иностранных покупателей американского госдолга, оттеснив «японское чудо» на второе место. Идентичная схема была применена и в отношении Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня, Малайзии. В результате чудесного превращения в «азиатских тигров» эти страны в совокупности стали держателями примерно 10% американского госдолга, размещенного среди иностранных кредиторов» [4, с.260, 263].

А вот пример завершения проекта. Контакты князя Н. Д. Лобанова — Ростовцева, представлявшего интересы «Де Бирс» с 1988 по 1997 гг., с Ю. Андроповым и М. Горбачевым, замечает Горяинов, «вряд ли были случайными и с большой вероятностью могут рассматриваться как прямой канал передачи управляющих команд на демонтаж советского проекта <...> Необходимость в этом могла возникнуть только в случае отчетливого понимания, что дни Советского Союза сочтены» [4, с.136].

К социальной технологии относятся и собственно хозяйственно-экономические решения, например, борьба «Де Бирс» с демпинговыми ценами, временное снижение производства алмазов или какой-нибудь другой продукции, поддержание нужного уровня потребностей в бриллиантах и другие. Наконец, важным элементом разработанной надгосударственными элитами технологии выступает политика в широком понимании, начиная от вполне законных договоров и займов, заканчивая скрытым подкупом власти и национальной элиты. Некоторые из этих приемов взяли на вооружение и национальные элиты. В зоне действия государства подкуп мог оформляться как финансовая поддержка реформ. Например, созданию АЛРОСА предшествовали переговоры М. Николаева, Председателя Президиума ВС ЯАССР, с Б. Ельциным в июне 1990 г. «Содержание их не протоколировалось, но ряд источников утверждает, что М. Николаев предложил Б. Ельцину поддержку, основанную на денежных потоках, генерируемых якутской золотодобычей» [4, с.151].

История с англо-бурской войной в интерпретации Горяинова показывает, что в технологию входит и ее отладка, превращающаяся в самостоятельную задачу. Рассмотрим теперь доказательную базу Горяинова.

Конечно, концепции, подобные изложенной, необязательно испытывать на логическую и эмпирическую (фактологическую) прочность. Чаще всего читатели, которым конспиролог открыл глаза, принимают предлагаемую картину в силу ее привлекательности. Убеждает сама картина, и кому в таком случае нужны доказательства? Кроме того не так уж много читателей - ученые, предъявляющие к построениям автора научные критерии и требования. Но здесь случай другой: сам Горяинов приводит доказательства и многочисленные факты в подтверждении своей концепции. Поэтому, если мы сомневаемся в ней или имеем другое объяснение тех же самых событий, то имеет смысл рассмотреть, каким образом Горяинов убеждает читателя в верности своих, достаточно оригинальных взглядов.

Сначала чисто формальный момент. В дискурсе книги можно усмотреть три плана. В первом нам излагается история мирового алмазного бизнеса и речь идет об объективных фактах (их в силу компетенции автора трудно не принять). Во втором плане дается интерпретация этой истории и ее событий, причем автор незаметно подводит нас к более серьезным обобщениям, касающимся уже не алмазного бизнеса, а надправительственной элиты, ее целей и задач, технологии решений и пр. В противоположность фактам интерпретации нуждаются в специальном обосновании, которое может вызывать у читателя сомнение. В третьем плане, который относится к последним главам книги, эти обобщения и гипотезы заявляются уже открыто, т.е. прямо рисуется картина того, что происходит на самом деле.

Самый уязвимый момент построений Горяинова - интерпретации излагаемых событий и связанные с ними гипотезы. Дело в том, что практически все факты и истории, рассматриваемые автором книги, можно истолковать иначе, а именно, не как сознательные проекты и действия. Рассмотрим в связи с этим один пример. В пятой главе «Бриллианты и «диктатура пролетариата»» Горяинов в соответствии со своей концепцией утверждает, что именно стговор элит открыл в 20–30 годы молодой советской республике возможность получать западные технологии и подготовиться к войне с Гитлером. «Не афишируемые договоренности о совместных операциях с крупными партиями бриллиантов закладывали базу той финансово-организационной сетевой структуры, которая впоследствии сыграла важную роль в передаче СССР оборонных технологий, и открывали возможности непосредственных неформальных контактов представителей англосаксонской и советских элит <...> Через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новей-

шим оборонным технологиям <...> Эта сеть, созданная в 1920-е годы, будет устойчиво работать все время существования СССР, обеспечивая в том числе, фантастические «успехи советской разведки» в получении ядерных секретов и удивительно легкое преодоление «ограничений КОКОМ» [4, с.118, 122].

Обратим внимание на две фразы: «через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новейшим оборонным технологиям» и «фантастические «успехи советской разведки» в получении ядерных секретов». По Горяинову получается, что беспрепятственный доступ к оборонным технологиям и ядерным секретам, был сознательно спланирован, как два этапа реализации англосаксонского проекта СССР. Однако известные мне исследования говорят о другом. Помимо алмазной линии было несколько других, совершенно не связанных с Западом, и никакие успехи советской разведки не помогли бы, если бы Сталин не разработал и реализовал проект создания в молодой советской республике оборонной промышленности. В его основу на первом этапе легли заказы на проектирование и строительство заводов фирме Альберта Кана, а также скрываемое от Кана освоение американского опыта российскими проектировщиками и строителями.

Действительно, утвердившись в мысли, что страна советов окружена врагами и надо готовиться к войне в условиях отсутствия промышленности, Сталин поставил большевистскому государству задачу в кратчайшие сроки и любой ценой создать мощную оборонную отрасль. Для этого правительство, с одной стороны организовало сбор средств (продажа за границу культурных ценностей, торговля зерном, отъем имущества церкви и драгоценностей у буржуазии и прочее), с другой - изучив американский опыт проектирования и строительства, заказывает фирме А. Кана за огромные для тех времен деньги (более 200 миллионов долларов) проектирование и строительство заводов двойного назначения (и для войны и для гражданских целей, но, естественно, американским строителям об этом не говорили).

Технология проектирования и строительства заводов А. Кана была полностью стандартизирована и упрощена за счет того, что он освободился от господствующей в то время зависимости строительных решений от разработок производственных линий и архитектурных поисков. Канна, отмечает Марк Меерович, «интересовало лишь одно — каким образом можно изготовить проект *быстрее, качественнее и с меньшими затратами*. Он был гением изобретательства в организации строительного проектировании» [5].

Как же эта технология была освоена в нашей стране? Во-первых, была организована учеба: через мастерские и строительные площадки, где американцы осуществляли проектирование и строительство были пропущены несколько тысяч советских специалистов, задачей которых было научиться всему тому, чем владели американские проектировщики и строители. «Через Анатолия Степановича Фисенко, - пишет Меерович, - проходят все новые и новые специалисты, которые командуются в Госпроектстрой и прямо со студенческой скамьи, и из других проектных организаций. По мере обучения они переводятся в иные проектные институты, подведомственные ВСНХ и там реализуют принципы самой передовой организации проектного процесса, формирует систему массового проектного дела. Кстати, Альберт Кан, скорее всего, не был посвящен, в «педагогическую» сверхзадачу, негласно возложенную на его фирму. Он был обезкуражен постоянной «текучкой» кадров в Госпроектстрое - заменой, немного поработавших и чуть поднабравших опыт, одних советских сотрудников на других — не опытных и не квалифицированных; постоянным привлечением к работе студентов, пусть и способных, но мало что умеющих... Он не предполагал, что все это делается специально. Для того, чтобы, как можно большее количество специалистов смогло пройти обучение поточно-конвейерному способу проектирования. Но Анатолий Степанович, руководивший этой кадровой программой, прекрасно понимал потребность народного хозяйства страны в кадрах проектировщиков» [5].

Во-вторых, что было не менее важно для освоения новой технологии, были созданы новые институты (проектные и строительные, а также в сфере управления), в которых американский опыт тиражировался и приспособлялся к нашим условиям; по мере их совершенствования необходимость в фирме А. Кана полностью отпала. «О прямом «калькировании» проектной деятельности, о непосредственном воспроизведении американского прототипа не могло быть и речи, настолько несхожими были и условия работы, и техническое обеспечение проектной деятельности, и сама философия проектирования, и состояние базы стройиндустрии, и характер кооперации между различными дисциплинарными разделами проекта, и квалификация исполнителей, и многое-многое другое. Уникальность и сверхсложность «привязки» американской технологии была вызвана еще и тем, что происходила она «с колес», т.е. в ходе непрерывного реального проектирования» [5].

В-третьих, создавались производства, нужные для нового типового проектирования и строительства. «Старт всей работе дает постановление от 1 июня 1928 г. «О мерах по упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства». Постановление содержит раздел «Использование заграничного опыта и достижений иностранной техники», который предоставляет ВСНХ возможность «привлекать иностранных специалистов для работы в государственной промышленности, в частности, по проектированию» <... >

22 марта 1931 г. приказом ВСНХ СССР № 158, опыт, накопленный в стенах Госпроектстроя, переносится на другие сферы промышленного проектирования — создается еще один головной проектный институт, на который возлагается проектирование сооружений других важнейших отраслей военно-промышленного комплекса: химической, авиационной, текстильной, резиновой промышленности — Госпроектстрой-2. Образуется он лишь после того, как собирается достаточное количество («критическая масса») специалистов, прошедших организационную выучку основного Госпроектстроя, способных составить кадровый костяк новой крупной проектной организации. К концу 1931 г. ВСНХ СССР объединяет в своих руках самые передовые поточно-конвейерные технологии «промышленного» и «градостроительного» проектирования. Одни к этому времени почти отработаны и внедрены в Госпроектстрое-1 с помощью американских специалистов фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед». Другие — в Стандартгорпроекте с участием специалистов международной группы Эрнста Мая» [5].

За время действия контракта с Каном, который длился три года с 1930 по 1932, «был построен 521 завод. Стоимость контракта составила два с половиной миллиарда долларов. По теперешним деньгам — это 250 миллиардов! Что же построили за это время? Вот небольшой перечень из полутысячи наименований, взятый из статьи Дмитрия Хмельницкого. Тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, Томске; самолетостроительные заводы в Краматорске и Томске; автомобильные заводы в Челябинске, Москве, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; кузнечные цеха в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Сталинграде; станкостроительные заводы в Калуге, Новосибирске, Верхней Сольде; прокатный стан в Москве; литейные заводы в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске,

Сормово, Сталинграде; механические цеха в Челябинске, Люберецке, Подольске, Сталинграде, Свердловске; теплоэлектростанцию в Якутске; сталелитейные и прокатные станы в Каменском, Коломне, Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Верхнем Тагиле, Сормово; Ленинградский алюминиевый завод; Уральскую асбестовую фабрику и многие другие» [1].

Уж если кого и считать великим конспиратором и заговорщиком, то это был Иосиф Сталин, которого вряд ли бы допустили даже на порог англосаксонского клуба надправительственной элиты.

Соответственно, современные исследования российского ядерного проекта показывают, что передача ядерной технологии происходила не в силу сговора западных и российских элит. Здесь главную роль сыграли связи физиков и инженеров из разных стран (многие из них до войны работали в одних лабораториях, обменивались научными результатами, просто дружили) и сознательные личные действия некоторых из них, резонно считавших, что нельзя допустить ядерную монополию одной страны. Да, это тоже была внеправительственная элита, но ученых и инженеров, озабоченных не прибылями и бесконечным расширением своей власти, а сохранением свободы и жизни на планете.

Но почему тогда, может спросить наш оппонент, такие согласованные действия, если не сговор и сознательное планирование? Например, как быстро в период Горбачева и Ельцина наша страна была поставлена на поставку Западу сырья, превращена в рынок сбыта западных товаров, а промышленность почти уничтожена. Когда в России началась перестройка, то самые разные западные структуры (военные, дипломаты, главы правительств, финансовые институты, крупные корпорации, общественные организации, даже отдельные предприниматели) действовали вполне согласованно, иначе бы им не удалось в столь короткий срок «поставить нас на колени», превратив в сырьевой и потребительский анклав запада. Конечно, был заговор и централизованное социальное действие, что бы вы там не говорили. Кто замышлял и руководил этим заговором? Настоящие хозяева мира - владельцы транснациональных корпораций, финансовые гении, зависящие от них государственные деятели. Центр этого заговора был в США. Где они собирались и как планировали свою работу? Так они вам скажут и покажут! Естественно, все делалось тайно, а в СМИ нам вешали на уши лапшу, для прикрытия.

Кажется, на это трудно что-нибудь возразить. Тем не менее, можно. Мои исследования показывают, что в случае российской перестройки и реформ

работал примерно следующий механизм. Ключевые западные субъекты (и европейские, и американские, которые уже давно задают тон в мировой хозяйственной и экономической жизни) сумели достаточно быстро договориться по поводу России. Этот «сговор» направлялся не заговором неких таинственных сил, а метанарративами западной культуры, включающими, с одной стороны, либерально-демократические ценности и императивы, с другой - вменности, сложившиеся в долгом противостоянии двух лагерей (социалистического и капиталистического). Например, для Запада было очевидно, что Россия представляет собой угрозу западной свободе и существованию. Что для ликвидации этой угрозы необходимо демонтировать советское государство, партию, силовые структуры и промышленность. Что в этом случае откроются огромные возможности для западной экономики (новые источники сырья и рынки сбыта). Что победа в этой борьбе будет означать торжество западной культуры и идеологии. Подобные представления вовсе не нужно было внедрять силой, они были непосредственными убеждениями западного человека. Исходя из них, и договаривались многочисленные субъекты Америки и Европы, осуществляя экспансию в отношении России.

Интересно, что и в России, несмотря на вертикаль власти и традицию иерархического жесткого управления, там, где действуют разные субъекты, имеет место сговор на основе метанарративов. Другое дело, что он часто инициируется сверху властью, но, как правило, изменения разворачиваются и идут совсем не туда, куда власть задумала. За примерами не надо ходить далеко: последняя реформа образования и науки. Власть задумала её, с одной стороны, для получения дополнительных ресурсов (здания, деньги, высвободившиеся места), с другой стороны, в надежде повысить эффективность обеих областей. Но эгоистические российские чиновники воспользовались этой инициацией для решения своих собственных проблем. На удивление они действуют очень согласованно, как будто имел место не сговор, а настоящий заговор с целью уничтожить российское образование и науку. Требуется провести специальное исследование, чтобы понять на основе каких метанарративов они договариваются между собой и с властями. Но, судя по стилю действий (ложь и обман, нарушение законов, игнорирование рисков и последствий от принятых решений), эти метанарративы недалеко ушли от идеологем и представлений большевиков. Безусловно, это не большевики-марксисты, а большевики новой формации, не верящие ни в бога, ни в черта, зато почитающие власть и деньги. Но тех и других роднит неприязнь

(если не ненависть) к культуре и образованным людям, уверенность, что «человек человеку волк» и «война всех против всех» естественное состояние общества, желание любой ценой установить свой социальный порядок, культ силы, полная свобода от моральных и нравственных угрызений совести, которую они вообще-то и не признают.

Итак, факты, которые приводит Горяинов, могут быть истолкованы совершенно иначе - как контрпримеры к его концепции. При этом меня не стоит понимать таким образом, что я отрицаю все возрастающее влияние надправительственных и внеправительственных неформальных структур. Безусловно, надправительственные клубы и элиты существуют и оказывают большое воздействие на ход мировых и государственных событий. Я сомневаюсь лишь в том, что это влияние единственное и самое существенное. Влияние государства, общества в лице парламента и даже президента, особенно, если последний склонен к авторитарному правлению, может на порядок перекрывать воздействие надправительственных элит. Например, наш президент сначала стремился войти в клуб западных лидеров, но потом резко поменял политический курс. Вряд ли этот разворот на 180 градусов, крымские события и участие в военных действиях в Донецкой и Луганской областях Украины можно объяснить тем, что надправительственная мировая закулиса реализует очередной проект «Россия», в которой Путину отведена роль марионетки. Хотя именно так Горяинов и думает.

«Скорее всего, - пишет он, - путинский госкапитализм был единственной возможностью избежать политического и экономического разложения России, сохранив ее в качестве прозрачного управляемого сырьевого экспортера, и в этом смысле - подлинного наследника СССР. Любые попытки самостоятельной ценовой игры, какими бы мотивами они ни были вызваны, отныне пресекались кремлевским руководством в зародыше. И вряд ли можно отрицать, что номинальные владельцы российских добывающих активов, «олигархи» - всего лишь послушные исполнители воли кремлевского руководства. Впрочем, это вполне достойный способ существования для сателлитов подлинных контролеров мировых рынков. История знает куда более мрачные варианты» [4, с.179-180].

Я сомневаюсь и в том, что цены на сырье и монополия в этой области являются главными в принятии политических решений. Такой взгляд проистекает из чисто экономического подхода к историческим событиям. Напротив, гуманитарный подход и исследования показывают, что значительно влиятельнее

оказываются идеи (политические доктрины), личности авторитарных или демократических президентов, пассионарные властные элиты, исторические традиции и привычки народа.

Вероятно, различны у нас с Горяиновым также идеалы научного познания. Судя по тексту книги, Горяинов сторонник естественнонаучного подхода, поэтому он старается описать *социальный механизм* мирового процесса, выявить *однозначные причины* принятия политических и экономических решений, а в конце книги отваживается даже на *прогнозы*. Вот например, каким образом в заключении книги описан у Горяинова социальный механизм (отчасти он и прогноз).

«Управление мировой минерально-сырьевой базой - это основа мировой экономики и основа подлинной власти, все остальное лишь более или менее значимые надстройки. Со времен Сесила Родса эта модель постоянно эволюционировала: от линейного диктата цены, от прямого захвата месторождений с помощью государственной военной машины - к гибкому многофакторному влиянию на ценовые тренды с постоянным и быстрым ростом информационной составляющей, с расширением поля производных финансовых инструментов, с подключением «общественных», «некоммерческих» институтов, с перетасовкой политических спарринг-партнеров и созданием новых «империй зла». Модель блестяще доказала жизнеспособность, готовность адаптироваться к стремительно развивающейся цивилизации. Адаптироваться в средствах. Цель же осталась неизменной: кто контролирует глобальные сырьевые рынки, тот правит миром. За это и шла борьба с конца XIX века, это и является поныне объектом пристального внимания со стороны подлинных обладателей власти» [4, с.281].

С моей же точки зрения, анализ сверхсложных развивающихся органических социальных объектов - предмет не естественнонаучных исследований и не экономических, а исследований междисциплинарных. Большинство современных социальных исследований являются междисциплинарными. Здесь нет одной науки (дисциплины), на которую может ориентироваться исследователь. Наук несколько, причем какие нужно привлекать часто выясняется только в процессе исследования. Логика исследования и понятия при смене научной дисциплины на разных этапах меняются. Целое и объект исследования определить достаточно трудно. Например, какое целое в замечательном социальном исследовании З. Баумана «Актуальность холокоста»? Холокост только имя трагедии, а каков объект? Выясняется, что объектов изучения много разных:

исторические предпосылки антисемитизма, состояние немецкой демократии, процесс захвата власти нацистами, характер немецкой бюрократии и государства, расистские концепции и их реализация, трансформация индивида и личности в социальных машинах и экстремальных ситуациях, перерождение общества и другие. Чем связаны эти объекты помимо того, что они выступают сторонами холокоста? Можно ли говорить, что все они принадлежат социальности как предельной онтологии социальной науки? Можно ли вообще здесь говорить о социальной науке, ведь Бауман скорее критикует традиционные социологические представления, чем использует их. Зато он оперирует понятиями, относящимися к другим, не социологическим дисциплинам, а традиционные так видоизменяют, что многие социологи вряд ли с этим согласятся [2].

Практика междисциплинарных исследований показывает, что в социальных явлениях сходятся и взаимодействуют, причем часто очень непривычно для социального ученого, много разных сторон (топов) и процессов [10]. В результате понять механизм социальных явлений, добиться естественнонаучной и затем социально-инженерной ясности, «расколоть», как говорил М. Вебер, социальный мир практически никому не удается. А если удастся, как в данной книге, то только за счет переупрощения изучаемого социального явления, причем такого, которое в плане практических приложений, например, в политике или реформировании чревато социальными деструкциями.

К сожалению, тренд социального развития в ряде регионов мира и стран, в том числе и в России, сегодня таков, что идет опрощение, понижение культуры, опора власти на электорат, сформированный СМИ под задачи управления массами для удержания власти, пренебрежение образованием и наукой, и наоборот, поддержка и расширение чиновников, армии, силовых ведомств. В рамках этого тренда оказываются востребованными как раз очень простые, а по сути, переупрощенные представления социальных явлений, которые позволяют осуществлять «ручное управление» и вообще действовать, игнорируя реальность.

Конечно, есть и другой тренд: поняв свою отсталость и неправильный путь развития, начать учиться, набираться сил, и рано или поздно заявить о себе как равном и сильном участнике событий (кстати, ведь Сталин тоже выбрал такой путь, другое дело, действовал как тиран). И тогда, как говорит мой друг и соавтор Людмила Голубкова «на своих, а не чужих условиях» по праву занять подобающее место в конкуренции мировых держав.

Некоторые национальные лидеры и сообщества, как известно, пошли именно по этому пути. Почему же наша страна выбрала первый тренд? Не потому ли, что ее лидеры и элита невольно или сознательно воспроизводят традицию большевиков, а общество в европейском понимании так и не сложилось? «Русский двадцатый век, - пишет Ю. Пивоваров, - стал результатом напрочь проигранной Революции. Поражение потерпели все: народ, интеллигенция, священство, элиты и пр. К сожалению, русское общество не хочет этого понимать. Оно закрывается от этого исторического дефолта «победой в войне», «космосом», «индустриализацией», «второй великой державой» и тому подобным. Я не хочу вступать в дискуссию с этими «победителями», но — более античеловеческого, немилосердного и губительного для собственного народа социального порядка в новой истории припомнить не могу. В России в ушедшем столетии произошла антропологическая катастрофа. И это делает все эти «космосы» ничем <... > мне и горько, и страшно от того, что «причины продолжают действовать», «чары прошлого не развенчаны», а «сознание вины не колет как жало». Это означает: большевистская революция продолжается» [7, с.48].

Важны и сами объясняющие конструкции, в одном случае они создают условия для активности и воодушевляют, в других - наоборот блокируют возможность социальных действий и вводят нас в апатию. Объяснение Горяинова, на мой взгляд, относятся ко второму типу. Действительно, представим, что я принял его картину и объяснения. Что могу сделать? Войти в надправительственную элиту, повлиять на ее деятельность, склонить ее участников к альтруизму и гуманизму? Смешно, ничего этого я осуществить не могу. Могу лишь удовлетвориться (утешиться) пониманием происходящего. Не потому ли книга Горяинова заканчивается странным пессимистическим пассажем в духе античной модели истории, где все идет по кругу и повторяется.

«Может ли, - спрашивает он, - положение поменяться, может ли смениться хозяин у минерально-сырьевой планетарной базы? Единственная попытка - германская кончилась неудачей, и с тех пор серьезного претендента не видно. Но ничто не вечно под луной, династии вырождаются, ошибки накапливаются, и, может быть, детище гениального Родса скончается вследствие роста энтропии. И мир вернется в счастливый хаос, где нет места конспирологии и криптоэкономике, где спрос определяется предложением, а политический процесс классовый борьбой, где бурлят так понятные «противоречия между трудом и капиталом»... Но рано или поздно

из хаоса появится некто, кто откроет заново, а может быть вспомнит формулу Родса: «Если на всем белом свете будет только четыре человека, нужно продавать алмазов столько, чтобы хватало лишь на двоих»» [4, с.284].

Какая-то получается безрадостная картина: мы обречены вечно становиться объектами манипуляций надправительственной элиты, к которой не приобщены и попасть в которую не можем. Однако, вероятно, Горяинов видит все не так, как я, что естественно. Набросаю его портрет.

Как я предположил выше, Горяинов принадлежит ко второму эшелону надправительственной элиты. В отличие даже от многих представителей надправительственных элит он понимает, что происходит на самом деле. Горяинов владеет знанием, которого нет у других. И как знающий, о чем писал еще Паскаль, сразу поднимается над природой, в данном случае - над социальностью, элитой, и своей частной жизнью. Как понимающий ход и механизм мировой истории, он живет в высшей реальности, большими событиями. В этом смысле спасается, продлевая свою жизнь в бесконечность.

Горяинов не просто практик, специалист по информационной политике, он еще «специалист-плюс» (термин Л. Голубковой), т.е. человек, размышляющий о своей профессии, старающийся понять, что происходит, думающий над смыслом и совершенствованием своей работы. И не только, Горяинова можно считать своего рода социальным философом, создавшим оригинальную концепцию. Как социальный ученый и философ он стремится к ясности, уяснению механизмов и причин социальной эволюции. При этом, как я уже отмечал, науку и философию он понимает в естественнонаучном ключе, а социальную реальность преимущественно в экономическом плане.

Наконец, Горяинов, вероятно, скептик, человек, не верящий в разум и демократию. Он явный противник либеральной доктрины и марксизма. С его точки зрения, неравенство и манипулирование массами и целыми государствами - естественные состояния современного мира. Борьба с этим не имеет смысла.

Установки Горяинова интересно сравнить с мироощущением моего учителя, известного философа и методолога, Г.П. Щедровицкого. Последний никогда не отрицал свои марксистские симпатии и ценность преобразования мира. В лекциях на «Досках», отвечая на вопрос: «Как же вы думаете, что вы можете менять социокультурные структуры?», мой учитель Г.П. Щедровицкий стал излагать, как, с его точки зрения, я, его бывший ученик, пони-

маю социальное действие. «Вадим — он вошел в ММК (Московский методологический кружок. - В.Р.) в 60-е и вышел где-то в середине или в конце 70-х — по-моему, так и не уловил основной идеи социокультурного действия. Не уловил или не принял — не знаю и не хочу разбираться. Поэтому он думает, что есть социокультурные структуры, которые неизменны, живут естественно и не поддаются воздействию людей. В принципе. Это как движение Земли вокруг Солнца. Ну, вертимся мы вокруг Солнца <... > Если кому-то придет в голову изменить эти траектории, то слушатели только посмеются» [11, с.64–65].

Могу заверить, я уловил, но не принял щедровитянскую идею социокультурного действия, причем, конечно, не сразу. Еще в начале 70-х в этом вопросе я вполне следовал за своим учителем, который, правда, позднее говорил. «И вот тут вроде бы многие из вас должны воскликнуть: - Да, идите вы вообще подальше! Хватит нам тех, которые переделывают мир <... > Я понимаю этот тезис, с одной стороны, поскольку действительно очень противно. Но — с другой стороны, уважаемые коллеги, нельзя не переделывать мир. Маркс был прав. Как бы вы не относились к тому, что сейчас происходит, и к тому, что было в предыдущие десятилетия, этот принцип по переделке мира остается одним из фундаментальных положений европейской культуры вообще, философии и методологии — в частности. И уж во всяком случае, я должен говорить искренне и откровенно: мы исповедовали этот принцип и полагали, что люди должны переделывать мир, изменять его. И вся наша жизнь проходила как жизнь по переделке мира <... > Да, и если вы теперь набрались окаянства и ставите своей индивидуальной целью и задачей развитие или трансформацию (изменение) мышления, то вам нужна искусственно-техническая картина мышления. Чтобы иметь возможность менять мышление, строить новые формы и создавать новые содержания» [11, с.65].

Еще, будучи студентом, в начале 50-х годов Щедровицкий сформулировал для себя такую жизненную стратегию. Он решил, что нельзя ориентироваться на существующее социальное устройство государства, что он как личность должен жить по-своему и решать те социальные задачи, которые сам себе поставил. А поставил Щедровицкий себе задачу - не мало, не много, способствовать воссозданию в СССР интеллигенции, уничтоженной в период культа личности. При этом под интеллигенцией он понимал не представителей культуры, исповедующих свободу, нравственность и духовность, а правильно и эффективно мыслящих людей и специали-

стов. В начале 1952 года, рассказывает Щедровицкий, «я твердо решил, что основной областью моих занятий — на первое десятилетие во всяком случае, а может быть и на всю жизнь — должны стать логика и методология, образующие «горячую точку» в человеческой культуре и мышлении... я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания миллионов людей, может быть их гибель, вообще перестройку всех социальных структур... И определяя для себя, чем же, собственно говоря, можно здесь заниматься, я отвечал на этот вопрос - опять таки для себя — очень резко: только логикой и методологией. Сначала должны быть развиты средства человеческого мышления, а потом уже предметные, или объектные, знания, которые всегда суть следствия от метода и средств... первую фазу всего этого гигантского социального и культурного эксперимента я понимал не аспекте политических или социально-политических отношений, а прежде всего в аспекте разрушения и ломки всех традиционных форм культуры. И я был тогда твердо убежден, что путь к дальнейшему развитию России и людей России идет прежде всего через восстановление, или воссоздание культуры — новой культуры, ибо я понимал, что восстановление прежней культуры невозможно. Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России... Я, действительно, до сих пор себя мыслю идеологом интеллигенции, идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической работы... Интеллигент обязан оставаться мыслителем: в этом его социокультурное назначение, его обязанность в обществе» [12, с. 288, 302, 303].

Кстати, я, хотя и учился у Щедровицкого, но, так же как и Горяинов, скептически отношусь к марксистскому учению; не считаю возможным переделывать социальную реальность и жизнь других людей, особенно против их желания. Но при этом думаю, что мы по мере своих сил должны улучшать мир, внося в жизнь разум и духовность. Необходимым условием этого является работа и в отношении себя. Другими словами, надо жить и работать так, чтобы происходили изменения в лучшую сторону и в нас самих и в мире (сравни [3]).

Щедровицкий не признавал сопротивления материала, если у него не получалось задуманное, он говорил, «это покамест». В отличие от него как

ученый я признаю сопротивление материала, которым является моя личность и социальная реальность. Хорошо бы конечно привести и то и другое к желаемому нами состоянию, но ведь мы плохо понимаем и нашу собственную природу и социальность, к тому же мы не демиурги. Кроме того, помимо наших усилий, направленных на изменение жизни, её пытаются изменить и переделать другие, причем совершенно по-другому, чем мы. Было бы наивно думать, во всяком случае, в ближайшей исторической перспективе, что можно согласовать наши усилия с реформаторской деятельностью других людей и организаций.

Я не отрицаю, что мы своей деятельностью поддерживаем или изменяем социальную реальность, но вряд ли при этом достигаем поставленных целей. Известно, что культура постоянно превращает деятельность и ее продукты во что-то другое, в неподчиняющуюся нам вторую природу. На этот момент обращал внимание еще Г. Зиммель. «Нам, - писал он, - противостоят бесчисленные объективации духа, произведения искусства и социальные нормы, институты и познания, подобно управляемым по собственным законам царствам, притягивающие на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования, которое в сущности не знает, что с ними делать, и часто воспринимает их как бремя и противостоящие ему силы» [5, с.490].

Поскольку человек делает вклад в социальность и собственную личность, нельзя не быть социально активным хотя бы с той целью, чтобы противостоять тенденциям, с которыми мы не согласны, но также и с целью улучшения жизни. Одно из следствий такого отношения - необходимость самоопределения относительно добра и зла. С кем мы и против кого: с теми, кто старается помочь другим людям, работает на культуру, думает о последствиях своих действий в отношении других людей и т.п. , или с теми, кто сознательно или бессознательно творит зло. Опять же понимаю, что определить в настоящее время, где добро, а где зло, очень трудно, если возможно вообще. Но проблематичность демаркации в этической области не избавляет нас от необходимости решать; все равно каждый из нас должен

совершать выбор в пользу жизни и будущего или смерти.

Я уже отмечал, что Горяинов занимает позицию вне нравственности, он никак не оценивает действия надправительственной элиты; просто так сложилось, есть и будет. Изменить что-то кардинально, убежден он, в социальной жизни невозможно. В этом отношении его трудно понять. С одной стороны, Горяинов считает, что ничего сделать нельзя, поэтому должен был бы признать невозможность социальной инженерии. С другой стороны, надправительственная элита, с его точки зрения, занимается именно социальной инженерии. Почему им можно, а простому человеку или какому-то сообществу нельзя?

У меня в этом вопросе позиция вполне определенная: социальная инженерия невозможна, а общество и другие, отличные от нас люди - не пустой звук и не материал для преобразований. На общество можно оказать влияние, но только в том случае, если наши идеи и поступки оказываются в «зоне его ближайшего развития», так сказать отвечают на реальные вызовы и проблемы, волнующие общественность. Причем, если мы правильно мыслим и действуем, то отчасти мы эту зону и формируем, но, понятно, что не мы одни заняты этим делом [9].

Трудно сказать, каким образом Горяинов вышел на изложенное здесь видение социальной реальности, но можно предположить, что главную роль в этом процессе сыграла его личность, портрет которой я наметил несколькими штрихами. Критика его видения не должна пониматься в том плане, что я считаю свое видение социальной реальности лучше или адекватнее. Если речь идет о мировоззрении и мироощущении, то наши видения несоизмеримы, как, судя по работам, несоизмеримы и наши личности. Другое дело, я имею право объяснить читателю, в чем вижу неудовлетворительность концепции Горяинова, с точки зрения моего понимания науки и социальной жизни. Дело читателя теперь сравнивать наши портреты и работы, чтобы или принять концепцию Горяинова или же согласиться с моей критикой ее. Во всяком случае, я постарался добросовестно изложить основные идеи книги Горяинова.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Базаров В. Как американец Альберт Кан создал военно-промышленный комплекс Советского Союза» <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer8/Bazarov1.php>).
2. Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2010.
3. Беляев В. А. Либерализированная Россия в поисках нравственной основы. М., 2011. С. 189.
4. Горяинов С. А. Битвы алмазных баронов. 2013.
5. Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. 1996.

6. Меерович М. Альберт Канн в истории советской индустриализации // «Проект-Байкал» 2009, № 20 <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569787>
7. Пивоваров Ю. С. Истоки и смысл русской революции // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А. С. Ахиезера. М., 2009.
8. Розин В. М. Философия субъективности. М., 2011.
9. Розин В. М., Голубкова Л. Г. Управление в мировом и российском трендах. М., 2012.
10. Розин В. М. Диспозитив социальности // Философия и культура (в печати)
11. Щедровицкий Г. П. На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. ШКП. М., 2004.
12. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М., 2001.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bazarov V. Kak amerikants Al'bert Kan sozdal voenno-promyshlennyy kompleks Sovetskogo Soyuza' <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer8/Bazarov1.php>).
2. Bauman Z. Aktual'nost' kholokosta. M., 2010.
3. Belyaev V. A. Liberalizirovannaya Rossiya v poiskakh nravstvennoi osnovy. M., 2011. S. 189.
4. Goryainov S. A. Bitvyalmaznykh baronov. 2013.
5. Zimmel' G. Krizis kul'tury // 'Zimmel' G. Izbrannoe. V 2-kh t. 1996.
6. Meerovich M. Al'bert Kann v istorii sovetsoi industrializatsii // 'Proekt-Baikal' 2009, № 20 <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569787>
7. Pivovarov Yu. S. Istoki i smysl russkoi revolyutsii // V poiskakh teorii rossiiskoi tsivilizatsii: Pamyati A. S. Akhieзера. M., 2009.
8. Rozin V. M. Filosofiya sub'ektivnosti. M., 2011.
9. Rozin V. M., Golubkova L. G. Upravlenie v mirovom i rossiiskom trendakh. M., 2012.
10. Rozin V. M. Dispozitiv sotsial'nosti // Filosofiya i kul'tura (v pechati)
11. Shchedrovitskii G. P. Na doskakh. Publichnye leksii po filosofii G. P. Shchedrovitskogo. ShKP. M., 2004.
12. Shchedrovitskii G. P. Ya vseгда byl idealistom. M., 2001.